

УДК 82.06

ВАРЯЖСТВО И ХАЗАРСТВО В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОСОФИИ ДМИТРИЯ БЫКОВА**Т.Е.Сорокина***Педагогический институт Южного федерального университета, Ростов-на Дону, tasor74 @yandex.ru*

В статье рассматривается специфика художественной историософии Д.Быкова, определяются ключевые понятия его историософской концепции на материале романа «ЖД».

Ключевые слова: *художественная историософия, интеллектуальный мир произведения*

The article deals with the specificity of imaginative hystoriosophy by D.Bykov. The author defines the key points of his hystoriosophy concept on the base of his novel «GD».

Keywords: *imaginative hystoriosophy, intellectual world of writing*

Дмитрий Быков — один из самых востребованных писателей современной России, Стремление к актуальности в текстах Быкова закономерно соединяется с особым вниманием к публицистическому вектору повествования. Историософия — органичная для него проблема, которая находит достаточно полное отражение в романах «Оправдание», «Эвакуатор» и «ЖД».

В романе «ЖД» развитие действия и определение интеллектуального мира произведения происходит в художественном становлении трех историософских концепций — варяжской, хазарской и «коренного населения». Сам Быков в предисловии к книге назвал ее неполиткорректной, способной вызвать обвинения и в антисемитизме, и в антирусских настроениях. Публицистические комментарии автора к «ЖД» показывают, что отношение Быкова к национальной истории лишено позитивного пафоса: «Каждая нация

должна придумать себя. Как римляне, как потом французы и немцы, как американцы. Надо выработать набор принципов, которых страна строго придерживается. Сочинить себе национальные черты, анекдоты, мифологию. Русские пока вместо самоопределения отделяются ксенофобией, пытаются определить себя, так сказать, апофатически: мы не то и не другое, не те и не другие... Отсюда ксенофобия, агрессия, страх. Надо долго и серьезно, практически с нуля, выдумывать, кто такие русские...» [1].

Больше всего упреков Быков получил именно в этом — в нежелании признавать за русской историей самостоятельный, состоявшийся смысл. Об этом пишет, например, А.Латынина: «Что это значит: в России не начиналась история? Я бы скорее поняла мрачный тезис о конце истории. Тут можно вслед за Константином Леонтьевым повторить: да, она была красочна, кровава, многоцветна и катастрофична, но

именно исторические переломы и рождали великие характеры (хотя и великих злодеев — тоже). Князь Владимир и принятие христианства, патриарх Никон и Раскол с его неистовым протопопом Аввакумом, Петр с его свирепыми реформами и Екатерина с блестящими сподвижниками, ползучая колонизация Сибири и стремительные победы Суворова — это и была история, видимо, пережившая, по К.Леонтьеву, период цветущей сложности и вступившая в фазу «упростительного смещения». «“У России нет истории”. А у Америки она есть?» [2].

Именно роман «ЖД» является оформленным историсофским центром быковского творчества. Изложение историсофских концепций, их художественное становление — одна из важнейших проблем. Портреты основных героев этого произведения — Волохова, Гурова, Плоскорылова и других — не обладают эстетической самодостаточностью, активно сохраняя идеологический контекст, который становится пространством, способным вызвать максимальное внимание читателя.

Как уже было сказано, в «ЖД» показаны три силы, имеющие отношение к историсофской проблеме — варяги, хазары и коренное население, русы. Ни одна из сил не имеет безоговорочной авторской поддержки, но о варягах рассказ ведется с нескрываемым сарказмом и гротескным разоблачением этого исторического феномена. У Быкова варяги — составная часть историсофии России. Но трудно не заметить, что именно варяжство с наибольшей полнотой выражает национальный дух, нежели образы концепции хазарства и «туземцев». С первых страниц читатель может заметить, что именно о варягах Быкову интереснее писать, их он знает лучше всего, постоянно отождествляя варяжство с неким тоталитаризмом, который не ограничен ни временем, ни пространством, но именно здесь, на территории России, раскрывается в полной мере. Варяги могут быть рассмотрены как наиболее яркие и характерные представители «вечной России». Их отличает суровый нрав, жестокость, страсть к войне, неспособность любить и ненависть к компромиссам. Все эти «силовые» черты (не случайно упоминание в романе философа Константина Леонтьева, художника Константина Васильева) лишены положительных характеристик, исключены из контекста многочисленных русских войн и представлены в неизменном сопровождении лицемерия.

Суть лицемерия варягов в «ЖД» заключается в следующем: они искренне поступают, когда делают зло, и надевают маски, когда пытаются хотя бы говорить о добре. Добрых слов о варягах Быков сказать не может. Исключением нельзя назвать даже Бороздина. Его романное движение: уход из системы оккупации к обретению любви, семьи и личной судьбы.

Лицемерным предстает в оценке автора и христианство варягов, скрывающее (впрочем, без особого желания) языческую этику и, как следствие (в авторской концепции), неверие, нежелание полагаться на нравственные законы. Капитан-иерей Плоскорылов — самый заметный пример пустоты, формализма и духовного равнодушия варяжской религии. «К хри-

стианству Плоскорылов относился теперь, как истинный хазар: внешне соблюдал приетет, внутренне глубоко презирал», — сообщает повествователь [3]. Презирал — за культ внутренней жизни, за прощение врагов, за отказ от доктрины бесконечной войны, за то, что Христос позволил себя распять. Плоскорылов — не исключение в варяжском стане: все будущие священники на старших курсах богфака узнавали, что «христианство — вредная выдумка». «Мудрый варяг» Владимир принял враждебную веру исключительно «в целях мимикрии».

Варяги в романе «ЖД» — бездушные формалисты, способные превратить христианство в схему, в рациональную систему внешнего поведения, приводящего к разделению мира на «своих» и «чужих», «правых» и «неправых». Ряд романских ситуаций и прямое упоминание «идеи сверхчеловека» позволяет говорить о том, что варяги — с Ницше и его философией силы, а не со Христом, который, по мнению автора поэмы «Так говорил Заратустра», научил людей выгодно использовать собственные слабости, возводя их в идеальную систему поведения и миропонимания. Об этом сказано в романе прямым текстом: «И весь мир они хотели сделать таким же холодным, пыльным местом. И все людское — привязанность к родителям, верность друзьям, жалость к больным — казалось им мерзостью, требующей преодоления, и потому они тащили к себе в союзники даже одного несчастного немца, взхлеб говорившего о преодолении человеческого...» (86). В варяжской России, какой она показана в «ЖД», появляется единство Леонтьева и Ницше, Гитлера и самурайской нравственности, Васильева и соцреалистического искусства, направленного на решения задачи упрощения отношений между художественным миром и человеком, которому надлежит стать «винтиком» в варяжском механизме.

Отсутствие творчества — один из самых заметных мотивов в образе варягов. Варяги не способны к самостоятельному мышлению, к искренним чувствам, к личной жизни. Способность работать в отсутствие смысла как раз и была главной способностью русского государственника, слова «государственное» и «бессмысленное» выступали синонимами», узнает читатель (247). Никто не говорит в романе о варягах в положительном ключе. «Этот русский Бог мог быть придуман только для угнетения пленного народа», — считает Волохов (180). По его мнению, русский Бог — «черный квадрат»: «Бог-завоеватель — против всех». Варяги — «народ жалостливый. Они, если прокормить не могут, всегда убивают», — говорит Василий Иванович (349). Саморазоблачение варяжства — в речах телевизионного лектора Топтухина: «Вне противостояния он Россию не мыслил. Истинное христианство... заключалось в любви к отечеству, а любовь состояла в истреблении его врагов. <...> Патриотизм топтухинского извода сводился к непрерывному истреблению — именно это истребление воспитывало подлинных воинов Христовых» (442).

Повествователь постоянно напоминает, что речь идет не о каком-то психологическом отклоне-

нии, а о настоящем метафизическом провале, о неспособности верить в Бога и бессмертие: «У варягов не было эсхатологии, что и является первым признаком народа-вируса. Ни о каком собственном апокалипсисе не могло быть и речи. Мечтания варягов и хазар простирались ровно до того момента, когда будет осуществлена их главная цель — подчинение прочего мира. После этого хазары ждали своего мессию, варяги — всеобщего конца. На вопрос о последствиях прихода мессии хазары удивленно пожимали плечами; варяги не вопрос о венце своей миссии возводили очи горе» (614-615).

От истинной религии, располагающей к любви и солидарности, далеки все историософские концепции. Варяги и хазары — не просто враги, презирующие друг друга, но и враги самой завоеванной земли, не способные созидать настоящее и будущее. «Впрочем, в России единой нации не могло быть по определению: у захватчиков и захваченных не бывает общих принципов. Им ни о чем не договориться, да они и не хотят договариваться. Их главная цель — взаимное истребление», — считает повествователь (181). «Каждый новый захватчик для начала вымаривал даже те немногочисленные культурные установления, которые чудом уцелели при предыдущих...» (182). Следовательно, несчастная территория Россия — земля, не знавшая позитивного отношения со стороны народов, пытавшихся выдать себя за истинное население страны.

Война мнимых «русских» против России — ключевой мотив «ЖД»: речь идет о разгуле инстинкта смерти и уничтожения на русской территории. «Ненависть к жизни», которая отличает прежде всего, варягов, важнее идеологии и внешне исповедуемых религий. У России нет линейной истории. «Всякая новая топорная революция отбрасывала страну на полвека назад», — считает Волохов (183), «с омерзением наблюдая канонизацию» Ивана Грозного. Любая русская власть иллюзорна. Русская история, по Волохову, реализует схему девяти дантовых кругов. Все «Толстые и Достоевские, и диагностики-агностики Чеховы, — не что иное, как следствие комплекса вины захватчика перед захваченным», — считает Волохов, чей исход из армейского варяжства даже ярче, чем бегство Бороздина (187).

«Роковым дефектом варяжства и хазарства была именно неспособностью допустить, что в мире существует иная логика, отличная от их собственной», — мысль о скрытом единстве оппозиционных систем проходит через все повествование (630). Сообщается о том, что это «народы-вирусы», что «варяжство умело только истреблять, а хазарство — только разлагать». Одна из задач автора — создать рациональную схему отрицательной историософии: сначала хазарство противопоставляется варяжской идеологии, потом оба миропонимания объявляются враждебными действительным интересам России. «Империя, в которой нет идеи, плюс корпорация, в которой нет свобод» (518). Последний афоризм можно считать иронической инверсией знаменитого тезиса Хомякова: католичество — единство без свободы, протестантизм — свобода без единства. Но если у Хомякова есть идеал

— русское Православие, то у Быкова историософского и нравственного идеала, выраженного в той или иной системе, в романе нет. «Нечеловеческая масса» видится варягам-командирам. Но и хазары-командиры относятся к «другим» высокомерно, функционально, без всяких чувств, располагающих к сближению.

При первом появлении хазар вполне правомерна мысль об их более высоком романном статусе, чем у варягов. С одной стороны, есть отождествление варягов и хазар как захватчиков, относящихся к России с характерным чувством. С другой стороны, отношение автора к хазарам можно охарактеризовать как сдержанный гротеск. К варягам автор относится иначе. Здесь уже гротеск без всяких компромиссов. Можно сказать, что «нечеловечность» варягов превышает идеологический схематизм образа хазарства, в котором больше человечности. К хазарам имеет прямое отношение ключевое слово романа — «ЖД»: «Ждущие Дня» — одна из возможностей для истолкования аббревиатуры. Рассуждения Эверштейна интереснее и органичнее речей варяжских лидеров, не способных избавиться от пафоса. Именно представители хазарства способны прийти к мысли, поддерживаемой автором: коммунизм и фашизм очень близки по своим идеологическим и бездуховным доминантам. Женька Долинская, продолжающая оставаться хазаркой, ценить свои родовые убеждения, — одна из самых значимых героинь романа.

Историософию варягов можно отождествить с тоталитарной концепцией, историософию хазар — с либеральной концепцией в ее наступательном, агрессивном варианте. Можно предположить, что «коренное население» вызовет сочувствие и симпатию как угнетаемый народ, как истинные «русь», противопоставленные варягам и хазарам. Действительно, «местные» показаны с большей симпатией. В человеческом, житейском отношении они смотрятся как определенная альтернатива варягам и «тоталитарным» либералам хазарского типа. Но историософия руссов идеальной не является. Во-первых, потому, что они пытаются использовать вражду оккупантов. Во-вторых, историософии у руссов как раз и нет. Это, конечно, парадокс. Но миссия «коренного населения» в том и заключается, чтобы история не состоялась. Россия в художественно-публицистической концепции Быкова предстает несчастной страной, которую терроризируют оккупанты — варяги и хазары. В то же время оккупацией пытаются ловко управлять «местные». История, если понимать под ней становление положительных социально-духовных смыслов, отсутствует.

«Мы наняли двух бандитов, враждующих. Они защищают нас от всех внешних — потому что в мире знают, что мы под ними ходим... И при этом друг друга мочат, и никогда не могут замочить до конца», — признается Гуров — волхв, агент в варяжском стане (202). «Жители России чувствовали единственную панацею и всегда втайне желали сорваться с места — кочевники, беженцы, строители, подниматели целины и открыватели нехоженых земель бороздили страну во всех направлениях, зная, что стоит закрепиться,

как у них тут же отберут работу и свободу...», — размышляет Волохов, объясняя причины отсутствия прогресса в России (216). Даже Аша, возлюбленная Бороздина, склонна к построению «историософских концепций»: некогда коренное население отчаялось умиловить хазар и обратилось за помощью к варягам; потом уже «заплакали по хазарам» и вновь оказались под их властью; татарское иго — «призвание хазар», а не монголов — «по личной просьбе коренного населения». Волохов спорит с Гуровым — «жрецом-охранителем», желающим, чтобы у «страны не дай Бог не завелась история» (414). Но не может доказать ему, что необходимо «выработать новые правила жизни». Волохов говорит о новом Моисее, который должен водить народ по пустыне ради очищения.

Но круговое движение и так хорошо известно местному населению, правда, в отличие от Моисея, здесь не предусмотрен выход из круга. «Васьки» (инверсия образа бомжа, его романтизация) — некий идеал русских, настоящее, подлинное население России. История — враг «Васек». Об этом думает и говорит Гуров, которому общению с варягами помогает концептуально излагать свою веру: «Не надо нам флогистона. Мы лучше останемся в нашем зловонии: зловонного можно отмыть, завшивевшего — переодеть, а вас, зараженных историей, не спасешь уже никак. <...> Пусть другие молятся истории и верят в прогресс; что такое прогресс? Путь смерти. <...> Гуров знал, что на том свете нет ничего, как нет и никакого того света: все уходит в землю и прорастает травой» (610-611). В том же контексте — вера и убеждения собратьев Гурова: «Смерти не было в дегунинском мире, ее не пускали, о ней не думали, — что уходит в землю, не умирает, а переходит в дерево либо травку, и длится бесконечный круг, и не иссякает живая влага. Коренное население не знало будущего в своем бесконечном циклическом настоящем. Оно думало, что если древние волчьи роды будут блюсти запреты и не смешиваться с завоевателями, то ничего плохого и не будет» (637).

Поэтому актуальна фраза о том, что у «всей страны синдром Василенко»; «синдром Василенко» — «национальный характер». «Жизнь коренного населения протекала в бесконечно тянущемся настоящем», — замечает повествователь (593).

Вновь следует сказать, что эсхатология — важная составляющая часть современной литературной историософии. С одной стороны, истории нет, потому что есть варяжская и хазарская концепции, есть позиция русских, не желающих развития. С другой стороны, по Быкову, необходим исход из историософских концепций. Исход один — в личное чувство. Только в нем, по мнению писателя, и может зародиться историческое чувство и готовность строить позитивный мир. Особое значение приобретает мысль Аши, которой удалось родить ребенка несмотря на отчаянное сопротивление всех «россиян»: «Идем, — сказала она решительно. — Этот мир ничего другого не стоит. Если все они хотят убить одного ребенка, так им и надо» (646). Исчезает отряд Волохова: все воины разбредаются, отыскав личное счастье. Выше истории оказывается «сплошное милосердие» Ани. Не пожелал идти в Жадруново Василий Иванович, но пошел Громов — взявшись с Аней «за руки». Ранее отец Николай говорил о том, что «тысячелетний опыт замкнутой истории» не был ошибкой: «Чем дольше был затвор, с тем большею силой вырвется наружу копившаяся в бездействии история. Не знаю насчет нового неба, хотя и в нем вижу определенные знамения, — но уж новую землю, братья, я вам обещаю» (684). Историю находит тот, кто способен любить, а не тот, кто следует «историософским концепциям», решая сверхчеловеческие задачи.

1. Дмитрий Быков: Интернет-конференция 26 декабря 2006 г. — <http://www.starchat.ru/forum/333/answers/full/>
2. Латынина А. Сказки о России // Новый мир. 2007. №2 — http://magazines.russ.ru/novyj_mi/2007/2/la15.html
3. Быков Д.Л. ЖД. М., 2007. С.53. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте.